

И.Ю. Кондратьев,

главный редактор сетевого издания «Клуб Здравомыслие»

**ДЕНАЦИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ
В СВЕТЕ УРОКОВ БОРЬБЫ РОССИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В 1990-Е ГОДЫ***I.Yu. Kondratiev,*

editor-in-chief of the online publication «Club of Sanity»

**DENAZIFICATION OF UKRAINE
IN THE LIGHT OF THE LESSONS OF RUSSIA'S FIGHT AGAINST INTERNATIONAL TERRORISM IN THE 1990^S**

Аннотация. В статье раскрывается проблематика денацификации Украины через призму борьбы России с международным терроризмом в 90-е годы. Автором делается вывод о том, что причины начала специальной военной операции в определенном смысле коррелируются с мотивами возникновения террористической угрозы на Северном Кавказе. Важное отличие состоит в том, что на Кавказе борьба с международным терроризмом шла в границах России, а проведение специальной военной операции осуществляется на территории другого государства. Сходство данных конфликтов состоит в том, что политические и военные элиты России в момент их зарождения не уделили должного внимания вопросам профилактики, не смогли в зародыше задуть идеи неонацизма и укрофашизма. После распада СССР на территории его бывших республик сформировалась благоприятная почва для процветания неонацизма, которая активно удобрялась западным финансированием и информационной пропагандой, основанной на искажении исторических фактов. В результате США и их союзникам в рамках гибридной войны удалось сформировать вокруг России пояс нестабильности. В работе оценены перспективы денацификации Украины, которые должны быть выстроены на изменении общественного сознания, переходе от агрессивной потребительской национальной политике к идеям созиданий и гуманизма. Данный процесс носит исторически длинный путь, но его начало должно быть положено по завершению специальной военной операции, а фундаментом должна стать законодательная база, осуждающая неонацизм и карающая его преступников. Эффективная денацификация станет основой национальной безопасности России, позволит сформировать относительно устойчивый миропорядок на всем постсоветском пространстве, а также минимизирует международную террористическую активность.

Ключевые слова: денацификация, Украина, Россия, международный терроризм, укронацизм, межгосударственный конфликт, геополитический кризис.

Abstract. The article reveals the problems of denazification of Ukraine through the prism of Russia's struggle against international terrorism in the 90s. The author concludes that the reasons for the start of a special military operation in a certain sense correlate with the motives for the emergence of a terrorist threat in the North Caucasus. An important difference is that in the Caucasus the fight against international terrorism took place within the borders of Russia, while the conduct of a special military operation is carried out on the territory of another state. The similarity of these conflicts lies in the fact that the political and military elites of Russia at the time of their inception did not pay due attention to prevention issues, they could not nip the ideas of neo-Nazism and Ukrofascism in the bud. After the collapse of the USSR, favorable soil was formed on the territory of its former republics for the flourishing of neo-Nazism, which was actively fertilized by Western funding and information propaganda based on the distortion of historical facts. As a result, the United States and its allies managed to form a belt of instability around Russia within the framework of a hybrid war. The paper assesses the prospects for the denazification of Ukraine, which should be built on a change in public consciousness, the transition from an aggressive consumerist national policy to the ideas of creation and humanism. This process has a historically long way, but its beginning should be laid at the end of a special military operation, and the foundation should be a legislative framework that condemns neo-Nazism and punishes its criminals. Effective denazification will become the basis of Russia's national security, will allow the formation of a relatively stable world order throughout the post-Soviet space, and will also minimize international terrorist activity.

Key words: denazification, Ukraine, Russia, international terrorism, Ukronazism, interstate conflict, geopolitical crisis.

При анализе общественных отношений и прогнозировании их в будущем времени разные исследователи опираются на разные аксиоматические представления о характере и формах этих отношений, так в СССР, в советском обществоведении, было принято руководствоваться «марксизмом-ленинизмом», «историческим и диалектическим материализмом», основывавшемся в свою очередь на представлениях о первичности труда и классового разделения в общественном развитии, а также на идеях общественного развития от «первобытнообщинного строя» к «капитализму» через «рабовладение» и «феодализм» и далее к «социализму» и «коммунизму», причем в этом развитии менялись формы «производительных сил» и «производственных отношений».

До и после Маркса исследователи брали во внимание и другие «движущие факторы» истории и способы их отображения в своих сочинениях. Так древние авторы проецировали на общественные отношения субъективные свойства характера руководителей и авторитетов (Платон), отношения борьбы за власть в древнегреческих городах-государствах (Аристотель), способы управления и подчинения (Макиавелли) в иерархии распределения ресурсов. М.М. Филиппов указывал на одновременное воздействие материального обмена и психических процессов в формировании общества («Философия действительности», 1895), В. Вернадский («Научная мысль как планетное явление», 1938) говорит о физической основе всех процессов в биосфере, не исключая и процессов в социуме, взаимодействии «живого» и «косного» вещества вселенной. Н. Винер подметил в «Кибернетике» (1948) сходство биологических процессов и технических разработок в управлении и взаимодействии групп субъектов, а К. Шеннон (1948) создал теорию коммуникации, ставшей основой прогресса современных информационных технологий и изменения общественных отношений в результате появления Глобальной Сети Интернет.

В конце XX и начале XXI века в результате распада СССР и «социалистического

лагеря» пришло понимание, что теории общественного развития, любые, как бы хорошо и логично они не выглядели «на бумаге», являются только отображением, фиксацией групповых и субъективных представлений, результатом некоего опыта, проецируемого в будущее в форме моделей развития. Такие модели генерирует и т.н. «Римский клуб» и другие научные и общественные объединения, ориентируясь на актуальные инструменты анализа и интерпретации получаемого опыта. В последнее время широко используются компьютерное моделирование, которое также основано на неких концепциях и парадигмах, применяемых выборочно показателях тех или иных экономических, политических, религиозных представлений [7, с. 152].

В любом случае все исследователи выделяют некий «материальный» и «духовный» (сознательный, осознаваемый, психический) опыт, различая только «первичность» отношений между их получением и интерпретацией человеком, что не исключает первичности физического опыта действия и вторичности его применения, оценки и передачи поколениями как позволяющего выживать каждому отдельно и всем вместе. Именно опыт совместного существования, бытия и совместной деятельности (в том числе и отношения к идеалам, богам, нравственным установкам и моральным авторитетам) формирует и отношения внутри социума, иерархию управления, и отношения с другими социальными группами.

Так, в обществе натурального обмена (охотников, собирателей) нет необходимости в рыночных отношениях, поскольку обмен и распределение идет без посредников, отсутствует учет имущества и учет времени (кроме сезонов охоты и сбора плодов), поскольку отсутствует торговля, связанное с ней перемещение товаров и т.д. В современном мире существуют одновременно множество таких культурно-технологических укладов, в которых нет длительного опыта собственного развития или оно существует как рефлексия на чужой опыт, а собствен-

ный опыт не коррелирует с концепциями и теориями о некоем заданном развитии европейского типа. Формирование государств (как форм управления сложной иерархией социальных отношений) в таких культурных образованиях также носит характер инъекции, внешнего вторжения (импакт), уничтожая существующие родоплеменные, клановые и другие традиционные связи, и отношения. Навязывание, принуждение к использованию такого чужеродного опыта, создает общественные конфликты, проявляющиеся в настоящее время как «цветные революции», используемые инициаторами как метод, общий инструмент для получения управления над ресурсами и населением конкретной территории, культуры

То, что произошло на Украине, показывает, что уроки 90-х руководством РФ и обществом были выучены только частично. Основное отличие ситуаций между конфликтом на Кавказе в 90-е годы и в Украине, в том, что конфликт в 90-х был внутренним делом РФ и решался в юридических границах РФ. В Украине, — формально это конфликт с внешней угрозой, межгосударственный конфликт. В обоих случаях никто не занимался, или занимался недостаточно профилактикой конфликта, то есть устранением его причин экономических и политических, разрушением планов организаторов и исполнителей [2, с. 7].

Идеологема «международный терроризм» указывает на некую априори существующую деятельность вне юридически признанных государственных образований и национальных (народных, традиционных) институтов. Фактически же любая террористическая деятельность любых лиц и в любые времена направлена на изменение существующей ситуации (политической, религиозной, имущественной) с помощью террора, — инструмента совершения преступлений для создания в обществе ситуации истерики и паники, и, в результате, — неприятия существующих систем управления и распределения ресурсов, перехвата управления и передачи его третьим лицам, заказчикам, организаторам и спонсорам террора.

Внедрение понятия «международный терроризм» в общечеловеческое созна-

ние, — нацеленная, специально организованная, или формально исполняемая (без учета последствий) работа для утверждения такой деятельности как легитимной, привычной в отношениях между государствами и народами. Соответственно «борьба с терроризмом» воспринимается как борьба с природными катаклизмами и стихиями, которые невозможно предотвратить, а сам «терроризм» или «международный терроризм» как некое вполне законное, «естественное» состояние общественных взаимодействий. Таким образом за пределы общественного внимания выводятся процессы подготовки, организации и спонсорства терроризма и террористических организаций, как инструмента для захвата власти в других странах, захвата ресурсов и получения контроля над политической и экономической деятельностью.

В 90-е годы на Кавказе борьба велась с военизированными группами, которым внушались идеи религиозной розни и религиозного превосходства, а также использовались исторические факты национального унижения и конфликта культур (кавказские войны в Российской империи, выселение в СССР и т.п.). Решение конфликта произошло после принятия решения о прекращении вооруженной борьбы самими «боевиками», когда их ответственным и мудрым лидерам (как и на российской стороне) пришло понимание бесперспективности военного способа решения конфликта, состоялись переговоры и на их основе построились отношения доверия и сотрудничества [1, с. 105].

На Украине процесс «нацификации» произошел не только на уровне неких общественных групп или военизированных формирований, он захватил и структуру государственного управления, и вооруженные силы. Причем этот процесс шел не только в самой стране, но и при активнейшем участии лоббистов в Канаде и США, а также при постоянной апелляции к ЕС, как некоему идеалу, с которым стремится «слиться» украинское общество. Также сильное влияние оказало размежевание по религиозному признаку, когда активное продвижение адептами РПЦ (из РФ) идеи «русского мира» в Украине встретили неприятие со стороны «униатов», УПЦ,

и других конфессиональных групп, избежавших поглощения со стороны «большого православного брата» [5, с. 8].

Фактически, идея отделения от всего «русского» (после отделения от СССР и до отделения — существования большой антисоветской «прослойки» а ранее и антироссийской, антиправославной) стала «идеей фикс», главной движущей силой политики украинской власти, в отличие от Кавказа, где не было идеи разделения на «наших» и «не наших» мусульман, и не навязывалась идея «русского мира», а идея общего братства была ориентирована не по религиозной или национальной принадлежности, а против преступников и бандитов как разрушающих общий для всех порядок и общий социальный мир. При похожих формах организации и деятельности «укронацизм» отличается от радикального исламизма (поддерживаемого западными спецслужбами и политикомом) тем, что он сам организует т.н. «запад» на борьбу с «русскими», провоцируя западную общественность и руководителей на принятие решений о выделении средств, поддержке на политическом уровне и т.п. Более того, представители «укронацистов» не стремятся создавать, как исламисты, свое государство, оно у них формально есть и они его используют как инструмент получения материальной и моральной поддержки, фактически торгуя ресурсами природными, производственными и человеческими, поставив своим идеалом исключительно «борьбу» с РФ и всем, что с ней связано, в том числе и общей историей и т.п. [4, с. 3465]

Во все времена поколенческая агрессия (противостояние отцы-дети) использовалась как инструмент решения различных проблем, в основном для создания проблем соседям, «врагам», конкурентам, от периодических нашествий кочевых племен до «крестовых походов» и т.п., — агрессия сублимировалась и направлялась вне социума, нагружаясь идеологиями превосходства нации, религии, освобождения «гроба господня», принимая формы и набегов на более богатые общества и организованного наемничества (практика Пруссии, Иностранной Легион, ЧВК и т.п.). При переходе общества к новым техно-

гическим способам получения и распределения ресурсов (смена культурно-технологического уклада) агрессия поколений приобретает (выливается) формы революций (бунтов, переворотов), которыми используются для захвата контроля различные внутренние и внешние акторы (субъекты) политического действия, от политических партий и объединений до кланов, разведывательных структур и т.п. [6, с. 20].

Фактически «укронацизм» это деструктивная форма архаичного (родоплеменного) существования, отличающаяся и от германского, гитлеровского нацизма (строившего «третий рейх») и от исламского фундаментализма (идея «исламского госва») отсутствием стремления к созиданию. Это паразитирующая на страхах «запада» перед «востоком» структура, вгоняющая (вменяющая) «запад» в комплекс вины, ведущая к самоуничтожению саму себя и своих помощников, разрушающая иерархию общественных отношений, собственного государства, экономику, поскольку упрощающимся до родоплеменных отношений нет необходимости в использовании сложных общественных инструментов обмена и производства ресурсов, а носители таких отношений автоматически становятся врагами, подлежащими уничтожению...

Исторически т.н. «набеговая экономика» (политически как «гетманство» и «казачество»), сохранявшаяся до поглощения территории современной Украины Россией при Екатерине Второй, является онтологическим фактором образования «укронацизма», отсутствием национального опыта создания и существования народов Украины в собственном общем государстве [8, с. 187].

Понятно, что ждать «перехода на светлую сторону» от такого «предмета» не приходится, сам процесс «денацификации» должен включать в себя не просто военную победу и юридическое осуждение носителей идеологии, но и полный контроль над обществом для воспитания нового, созидющего, а не торгующего своей ненавистью поколения. Но и это не будет гарантией от попыток реванша, или создания движения «нового нацизма» (любого «радикализма») в будущем, если не будет организовано воспитание и образование, увлечение

молодежи некими более высокими идеалами, чем стремление к быстрому доступу удовлетворения своих физиологических потребностей и невежественных, маргинальных и «пещерных» идей. Профилактикой любого «нацизма» как идеологии превосходства может быть только научное, светское образование, воспитание равноправных отношений интернационализма и пересмотр «традиционных» отношений эксплуатации себе подобных с помощью такого инструмента как «террор» [3, с. 40].

Но и воспитание сложных отношений невозможно вне необходимости их применения, так, навыки культуры посещения оперы и профессия портного, умеющего шить фраки и вечерние платья, не будут восприниматься в культуре где нет соответствующего опыта, или будут принимать формы карго-культы, имитации. Именно включение народов Кавказа в общий проект «Россия», осуществление достойной роли в отношениях с другими общественными и национальными образованиями, свобода реализации собственных традиций и ценностей, а также равноправные экономические и политические отношения содействует социальному миру и общему развитию национальных культур и общей, многонациональной российской культуры. Чего можно и должно ожидать, и реализовывать в Украине, и, в первую очередь теми, кто считает себя украинцами.

Список литературы

1. Апажева С.С. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации [Текст] / С.С. Апажева, А.Х. Мамсиров, Т.С. Цолоев // История: факты и символы. — 2017. — № 4(13). — С. 101–111.
2. Бочарников И.В. Украинский кризис в условиях современных геополитических трансфор-

маций [Текст] / И.В. Бочарников // Вестник Академии военных наук. — 2022. — № 1(78). — С. 4–12.

3. Бугаев В.А. Отдельные особенности терроризма в современной России [Текст] / В.А. Бугаев, Ф.М. Волков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2016. — Т. 2(68). — № 3. — С. 39–43.
4. Гаджимурадова Г.И. Радикализм как фактор нестабильности на Кавказе и в Центральной Азии [Текст] / Г.И. Гаджимурадова, Л. Рабат // Вопросы политологии. — 2020. — Т. 10. — № 12(64). — С. 3461–3471.
5. Иванов О.Б. Практическая часть реализации задачи по денацификации Украины [Текст] / О.Б. Иванов // Конфликтология / nota bene. — 2022. — № 3. — С. 1–15.
6. Кикнадзе В.Г. Украинский национализм: от истоков до денацификации в ходе специальной военной операции российской армии [Текст] / В.Г. Кикнадзе // Наука. Общество. Оборона. — 2022. — Т. 10. — № 3(32). — С. 17–23.
7. Найденко В.Н. Экспертная оценка негативных проявлений, обуславливающих этнонациональные конфликты в современной России [Текст] / В.Н. Найденко // Социологическая наука и социальная практика. — 2020. — Т. 8. — № 3(31). — С. 149–164.
8. Никитин А.И. Денацификация и демилитаризация на Украине как реализация одного из стратегических национальных приоритетов российской федерации [Текст] / А.И. Никитин // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности. Сборник статей научно-практической конференции. — М., 2022. — С. 186–190.
9. Хунагов Р. Современные этнополитические конфликты на Северном Кавказе [Текст] / Р. Хунагов, С. Ляушева, А. Шадже, З. Жаде // Центральная Азия и Кавказ. — 2017. — Т. 20. — № 3. — С. 7–15.

